

— Я тебя убью, — заявил мне супруг на прощание, а я ему не поверила.

Оказалось, зря. Послушать сумасшедшую, что в настоящее время тарасила на меня глаза, так муженек именно это и задумал: укокошить меня. Ни много ни мало. Правда, во мне жила надежда, что эта девица и впрямь сумасшедшая. Однако кое-какие события...

Все началось полгода назад, то есть по-настоящему-то четыре с половиной года, — именно тогда я вышла замуж. Зачем, до сих пор не могу понять, добро бы гнал кто или влюбилась без памяти. Ничего подобного.

Познакомились мы в мае (вот оттого, должно быть, я теперь и маюсь), я возвращалась из бассейна, это добрых пять остановок до моего дома. День не задался, настроение так себе, даже бассейн его не улучшил. Троллейбусы выстроились вереницей насколько глаз хватало: в очередной раз отключили электроэнергию, маршрутки брали штурмом, автобусы растворились на просторах города, как всегда в такое время, а тут еще пошел дождь. Сначала мелкий, серенький и холодный, потом грохнуло, небо рассекла огненная стрела, земля вздрагивала от ударов, и дождь хлынул как из ведра.

Я укрылась на автобусной остановке, но все равно вымокла до нитки, замерзла, начала клацать зубами, вводя граждан по соседству в легкий трепет, и в конце концов решила ехать на такси, предварительно проведя ревизию кошелька. Если повстречается хороший человек, до дома хватит, если нет, пробежусь немного — все лучше, чем здесь мерзнуть. Я отважно выскочила на дорогу, махнула рукой, и возле меня остановился «Мерседес». Дверь распахнулась, я юркнула в машину, сжавшись в комок, оттого что все-таки основательно вымокла.

Справедливости ради надо сказать, что в тот момент я не заметила ни марки машины, ни тем более сердобольного водителя. Видеть-то я его видела, но занимал он меня крайне мало, гораздо важней был тот факт, что в кабине оказалось тепло, от меня вроде бы даже пар повалил. Впрочем, это скорее всего преувеличение.

— Замерзли? — поинтересовался мужчина, и я трижды кивнула, одного раза было явно недостаточно, чтобы выразить мои чувства.

Когда сидишь с синими губами, мокрые джинсы противно липнут к ногам, а с волос капает, в голову не приходят романтические мысли, ко мне, по крайней мере, точно. Поэтому я вовсе не пришла в восторг, когда парень решил познакомиться со мной.

— Как вас зовут? — спросил он с улыбкой, а я на всякий случай решила присмотреться к нему.

Выглядел он неплохо. Я бы даже сказала — очень неплохо, и, если б я сама в тот момент не походила на мокрую курицу, выразилась бы еще определеннее: он здорово смахивал на мужчину моей мечты. Тут я обнаружила, что сижу в «Мерседесе», но вовсе не обрадовалась этому, а скорее разозлилась. Парень был при всем параде, а я выглядела на двойку с минусом. Да и на что мне мечта, которая через пять минут рас-

творится за пеленой дождя? Однако на вопрос надо было как-то отвечать, и я ответила:

— Симона. — Именно так назвала меня мама. Не знаю, что ее на это сподвигло. Большое ей за это спасибо. При знакомстве у меня никаких проблем с темой для беседы, стоит только представиться.

Вот и сейчас парень поднял брови, вроде не поверив, переспросил:

— Симона? — И, разумеется, добавил: — Редкое имя. А меня зовут Сергей. Как видите, ничего оригинального.

— Считайте, вам повезло, — заметила я. — Вот здесь остановите, пожалуйста. — Я кивнула на автобусную остановку.

— Где вы живете? — спросил Сергей.

— Тринадцатый дом, — ответила я, извлекая кошелек из сумки.

— Я вас доведу до подъезда. Дождь, — пояснил он, точно извиняясь, и улыбнулся шире: — Денег не надо.

— Как хотите, — нахмурилась я, с новой силой чувствуя себя мокрой курицей и начиная ненавидеть за это Сергея.

Мы въехали во двор и возле моего подъезда влетели правым передним колесом в люк канализационного колодца, который никто не потрудился закрыть. Сергей то ли просто плохо видел, то ли ему мешал дождь, то ли он увлекся разглядыванием моей физиономии. Итог был плачевным: выбраться без посторонней помощи «Мерседес» не смог.

Если бы машина не стоила кучу денег или я в тот миг не была чересчур критична к своей внешности, то смело решила бы: парень сделал это нарочно, но тогда лишь хмуро изрекла:

— Надо было высадить меня на остановке. Что вы намерены делать?

— Ждать, когда кончится дождь, — заявил он. Незаметно было, что происшествие его сильно огорчило.

— Тогда всего доброго, — пожалала я плечами, собираясь рвануть в родной подъезд.

— А вы не могли бы проявить сострадание? — весело осведомился парень. Подозрения, что в колодец он попал не случайно, во мне лишь окрепли.

— Надеетесь, что я начну выталкивать вашу машину? — съязвила я.

— Что вы, всего лишь чашка кофе для неудачника.

Хватило бы тогда у меня ума вежливо отказать ему или сообщить, что дома чудовищно ревнивый муж, и никакой головной боли в настоящий момент не было бы, а также скверных перспектив и прочих подобных радостей. Но врать я не стала и отказывать тоже, пожалала плечами и кивнула:

— Идемте.

Мы поднялись на второй этаж, я позвонила в дверь, видя, как физиономия парня лишается сияющей улыбки. Не знаю, с чего он взял, что в квартире мы будем одни. В любом случае с иллюзиями надо расставаться легко.

— Мона, — послышался из-за двери мамин голос, — это ты?

— Я, мама, — бодро гаркнула я.

Дверь распахнулась, а физиономия Сергея вытянулась. Так случается всегда, когда люди впервые видят мою маму.

В тот день мама оделась простенько: расшитый золотом халат красного бархата, на голове розовый тюрбан с павлиньим пером, в руках неизменный мундштук такой длины, что он больше походил на копьё. Сигарета отсутствовала, мама не так давно бросила курить.

— Здравствуй, радость моя, — пропела мама, пропуская меня в прихожую, и едва не хлопнула парня дверью по носу, потому что видела она неважно, а очки принципиально не носила, решив, что они ее старят.

Мама родила меня в сорок два года. Сейчас определить ее возраст было совершенно невозможно. Я так даже и не пыталась. Главное — успеть привыкнуть к маминому облику, который постоянно менялся. И дело вовсе не в тряпках или цвете волос, мама первой занялась в нашем городе пластической хирургией и опробовала на себе все достижения в этой области, — должно быть, поэтому ее облик упорно ассоциировался у меня с Майклом Джексонном.

— Мама, это Сергей, — сказала я.

Мама насторожилась и уставилась в пространство. Я легонько подтолкнула парня, а мама улыбнулась:

— Очень приятно. Вы друг моей дочери?

— Пока нет, но надеюсь стать им, — нахально ответил Сергей, но маме это понравилось.

— Ну-ну, — пропела она. — На самом деле Мона несносная девчонка. Хотите кофе?

— С удовольствием.

— Мама, Сергей подвозил меня на машине, на улице страшный дождь, и он угодил в колодец.

— Господи помилуй. Ничего не сломал?

— Машина угодила, — поправилась я. Мама всегда требовала, чтобы я четко выражала свои мысли.

— И что с машиной?

— Стоит под окнами.

— Вы уже знаете, что делать? — обратилась мама к Сергею. Тот с готовностью кивнул:

— Переждать дождь.

— Разумно. Мона, приведи себя в порядок, а я пока займусь гостем.

Я прошла в ванную и критически уставилась в зеркало. Мог ли человек пожертвовать «Мерседесом», если мои волосы свисают мокрыми прядями, нос слегка покраснел, а губы посинели? Неужто он меня разглядел? А может — просто чокнутый? Я включила душ погорячее и оставила глупые мысли.

К тому моменту, когда я вновь предстала перед Сергеем, мой облик претерпел кое-какие изменения. Я не собиралась потрясать его воображение, чтобы он, чего доброго, не решил, что я хочу ему понравиться. Напротив, в бежевом домашнем платье и с двумя косами я выглядела мило и уютно. По крайней мере я на это рассчитывала. Сергей, увидев меня, заметно поглупел, что в общем-то меня не удивило, особенно если учесть, что к тому моменту мама успела показать ему нашу квартиру. На людей это действует всегда одинаково: они впадают в задумчивость. У нас нет столовой или, к примеру, гостиной — просто комнаты (их пять); четыре соответствуют маминым настроениям, пятая — моя, и маму я туда дальше порога не пускаю, потому что она сразу начинает что-то переставлять и совершенствовать. Одна мамина комната сплошь розовая, шторы с рюшами, мягкие игрушки, салфеточки и цветочки в горшках; вторая черная, вместо люстры четыре гигантские свечи в напольных подсвечниках. В этой комнате хорошо бы смотрелся гроб. Слава богу, мама до этого не додумалась. Третья комната напоминала аквариум, а четвертая — сугроб, в ней сейчас сидел Сергей в компании мамы, пил кофе и непроизвольно ежился.

— Он занятный, — кивнув на него, сообщила мама. — Современные молодые люди по большей части скучны, а этот занятный.

Мама поднялась и выплыла на кухню, где через мгновение чем-то загрохотала. Мама обожала готовить, но зрение в последнее время часто подводило ее.

Сергей вздохнул, покосился в ту сторону и спросил:

— А кто твой отец?

Вопрос, по-моему, к данной ситуации не имел никакого отношения, но я ответила, раз уж ему так интересно:

— Папа умер, когда мне было три месяца. Или четыре. Мама постоянно путает.

— Ага, — кивнул Сергей. — Значит, ты с мамой живешь?

С какой стати он принялся мне тыкать, ума не приложу, но возражать я не стала, раз ему так удобнее, зато сообщила:

— Дождь кончился.

— Что? А... Действительно.

Минут через десять он нас покинул. А еще через пятнадцать выбрался из колодца. В этом я убедилась, выглянув в окно. Через полчаса он позвонил, а на следующий день встретил меня возле университета. Через три дня он рассказал мне историю своей жизни, через пять поклялся в любви, через неделю познакомил с бабушкой (его родители умерли), а через две предложил выйти за него замуж. Всерьез это предложение я не рассматривала до тех самых пор, пока мама, выслушав мой рассказ о происходящем, туманно не изрекла, раскладывая пасьянс:

— Вполне подходяще... Надо же когда-нибудь начинать.

— Что? — насторожилась я.

— Что «что»? — переспросила мама, оторвав взгляд от карт.

— Что начинать?

— Жить, разумеется.

— А что, по-твоему, я делаю сейчас?

— Сейчас у тебя не жизнь, а сплошное ребячество. Иди замуж. Сергей вполне для этого годится. Бо-

гат, ни жены, ни детей, самостоятелен, свекрови и той не будет. Поверь, это большая удача. Он старше тебя на восемь лет — не много и не мало. В общем, в самый раз. И я отдохну от забот, — добавила мама. — Иди замуж, Мона.

И я пошла. Смена фамилии не повлекла за собой особых перемен в моей жизни. Правда, я переехала в новую квартиру, по площади равную пяти маминым, хотя и мамина казалась мне чересчур большой. Я попробовала сама управляться по хозяйству, но кончилось тем, что мы взяли домработницу. Днем, после университета, я бежала в бассейн, затем возвращалась домой и ждала Сергея с работы. Работал он много, дома появлялся около восьми, обычно вез меня в рестораны, где мы и ужинали. В выходные, как правило, мы куда-нибудь отправлялись, чаще всего на природу. Лето сменяла осень, осень — зима, жизнь двигалась стремительно и, на мой взгляд, без особого толка. Но Сергей считал иначе, а так как у меня просто не было повода выразить недовольство, то я с ним соглашалась.

Думаю, мы были образцовой парой. Случались, правда, редкие ссоры, в основном из-за моих подруг. Сергей считал, что я слишком много времени провожу с ними. Я принимала покаянный вид, хотя в душе была с ним не согласна. Прежде всего, не так уж много времени я им уделяла, а потом, с кем же мне еще проводить досуг, если муж постоянно на работе?

Первая серьезная ссора произошла по окончании мною университета. Сергей и слышать не желал о том, что я пойду работать. Спрашивается, для чего ж я пять лет училась? С моей точки зрения, логика у мужа отсутствовала начисто. Но у него и тут было свое мнение. Он заговорил о детях, о тихой пристани, каковой виделась ему наша семья, и о прочем в том же духе. Картинка, нарисованная им, не показалась

мне особенно привлекательной, но я честно пыталась соответствовать и даже научилась варить борщ и вышивать крестиком. На это ушло еще четыре месяца нашей совместной жизни.

И вот однажды дождливым мартовским днем мне позвонил муж. Как всегда, он справился о моем самочувствии, поинтересовался, чем я занята, и сообщил между делом, что у него совещание, которое продлится часов до семи, поэтому он, скорее всего, задержится. Повесив трубку, я вспомнила, что не спросила у него про деньги. Дело в том, что именно в тот день мне надлежало заплатить за теннис (теперь я и в теннис еще играла; а что делать, если времени — пруд пруди), но денег в шкатулке, где я их обычно брала, не оказалось, что несколько меня удивило. Я считала шкатулку неиссякаемым источником.

Чертыхнувшись, я задумчиво набрала номер мужа. Его секретарша, не узнав меня, так как я по рабочему телефону звонила редко, поведала, что «Сергея Ивановича сегодня не будет». Я извинилась, положила трубку и задумалась еще больше. Ситуация показалась мне странной, хотя в тот момент я была далека от подозрений и просто перезвонила мужу на мобильный. Он заверил, что свяжется с клубом и уладит вопрос, извинился, что забыл про деньги, и пообещал вернуться домой сразу после совещания, ни секунды не задерживаясь. Теперь ответ секретарши виделся мне так: Сергей не хочет, чтобы его отвлекали от важных дел, вот она и говорит, что на рабочем месте он отсутствует. Я спустилась в гараж за своей машиной, но в ней не оказалось бензина. Хорошо, что я заметила это почти сразу, оставила ее в гараже, а в клуб поехала на такси.

В общем, к открытию меня привела череда случайностей. Мы выезжали на Садовую, когда впереди я увидела машину мужа. Допустить, что он ее кому-то

доверил, я не могла: он только что сменил «Мерседес» на «Лексус» и трясся над ней, точно над младенцем. В том, что муж никогда не врет и в настоящее время проводит совещание, я ничуть не сомневалась, поэтому избрала третий вариант. Нашу красавицу попросту угнали, поэтому я попросила таксиста поднажать, а сама позвонила Сергею.

— Где твоя машина? — пролепетала я.

— А в чем дело? — перепугался он.

— Ты на совещании?

— Разумеется.

— А машина на Садовой.

— Не может быть. А ты где?

— Еду за ней.

— Но я тебя не вижу, — ляпнул он, что в общем-то не было удивительно. С моей точки зрения, муж умом не блистал, хоть и умудрился заработать миллион.

— Как ты меня можешь видеть, если ты сидишь в своем офисе? — ответила я вопросом на вопрос.

Супруг заметался по городу. По тому, как судорожно передвигался «Лексус», стало ясно, что за рулем сидит Сергей, а на сердце его печаль или что-то похуже: блондинка или брюнетка в соседнем кресле. Признаться, в тот момент мне было смешно, ситуация просто анекдотическая. Он пытался уйти, да беда в том, что даже не догадывался, от кого надо удирать. Я бы на его месте свернула в старый город и здесь, на тихих улочках, где движения практически никакого, быстренько засекала старенький «Вольво», на котором я в настоящий момент передвигалась за ним. Но супруг точно ополоумел, неся по городу, пытаясь оторваться, нарушая правила и не реагируя на светофоры. В конце концов ему это удалось, он скрылся с глаз, к крайней досаде водителя «Вольво», который оказался человеком азартным. А через двадцать минут муж уже бодро рапортовал:

— Солнышко, машина стоит под окнами, ты ничего не путаешь?

Хоть бы головой подумал, чего тут путать, если его «Лексус» один такой во всем городе? И зрение у меня хорошее, да и память неплохая, то есть номер машины мужа я вполне способна запомнить.

Я попросила таксиста остановиться возле универсама и задумчиво изрекла:

— Мне кажется, муж мне изменяет.

— Необязательно, — отозвался водитель, — всякое бывает. Вот я однажды...

Далее последовал рассказ минут на пятнадцать. Выслушав дядьку, я поняла, что он ничуть не умнее моего мужа, достала из кошелька последние сто рублей и протянула ему.

— Извините за хлопоты. Больше денег у меня нет, но, если хотите заработать, приезжайте завтра в девять утра на Лебяжью, дом пять. Я там живу.

— Зачем приезжать? — насторожился он.

— Мужа ловить будем. Двести баксов в день. Подойдет?

Дядька хлопнул ресницами и спросил:

— Зачем его ловить?

— Чтобы поймать, — вздохнула я и пошла бродить по городу, строя планы грядущей военной кампании, пребывая в подозрительно хорошем настроении и гадая: явится дядька или нет?

Дядька явился за пятнадцать минут до указанного времени и едва все не испортил, чуть не столкнувшись с отъезжающим на работу мужем.

Надо сказать, что совещание накануне закончилось рано, потому что уже в 18.15 муж был дома и звонил мне с намерением выяснить, где я. Я была неподалеку, объяснила, что возвращаюсь пешком, потому что не имею денег на такси. Муж бросился на встречу. Мы разминулись и с трудом нашлись, а когда

сие свершилось, Сергей нервно начал пританцовывать рядом и первым делом заявил, что я его очень напугала. С чего это я вообще решила, что видела его машину? Я напустила в глаза задумчивости и после длительных размышлений изрекла:

— Мне показалось, что это она.

Вечером мы остались дома, Сергей был ласков более обыкновенного, упоминаний о машине избегал и первым делом заполнил шкатулку деньгами.

А в девять утра я начала охоту за ним. Дядька, звали его Николай Васильевич, выглядел хмурым и даже несчастным. Пришлось показать ему двести баксов. Он повеселел, но день не задался, в том смысле, чтобы порадовать результатом. Дядька внял голосу разума и за «пустые» дни брал по сто баксов.

В выходные мы с мужем отправились к друзьям, где чудно провели время. Я поведала ему о своей любви, он был счастлив. По крайней мере раз двадцать сказал об этом к месту и не к месту, провозглашал тост за самую прекрасную женщину и полез целоваться. Словом, совершенно успокоился, оттого, наверное, и предпринял уже во вторник очередную вылазку.

В 16.30 он покинул офис, подъехал к зданию на Гончарной, откуда тут же выпорхнула девица в джинсах. Николай Васильевич посмотрел на нее и изрек:

— Он спятил.

— Я тоже так думаю, — согласилась я, но врала, потому что своими мыслями на этот счет делиться не хотела.

Муж повез подружку в панельный дом на улицу Кирова, где пробыл один час двадцать минут. На следующий день я вооружилась фотоаппаратом и уже практически с ним не расставалась.

Вскоре выяснилось, что жизнь мужа чрезвычайно насыщена женщинами, хотя и довольно однообразна.

Он часто посещал сауны, боулинг и казино, умудряясь максимум в девять быть дома. Когда он наживал свои миллионы, оставалось только гадать.

Через месяц у меня набрался солидный альбом фотографий, который я соответственно оформила: проставила даты и места встреч, а также адреса, где состоялись свидания. Получилось красиво.

Надо признать, что я была занята в то время не только альбомом. Я отремонтировала бабушкину квартиру, которая досталась мне по наследству и которая лет двенадцать пустовала, потому что у мамы не доходили до нее руки. Чувствуя за собой вину и, должно быть, стыдясь, муж охотно снабжал меня деньгами, не спрашивая, куда я их трачу. А я, чтобы не зародить в его душе сомнений, время от времени сообщала то о новой шубе, то о новом колечке с сережками. Муж радовался. При этом он совершенно был не в состоянии отличить старую шубу от новой, когда я хвалилась покупками. Однажды я сунула ему под нос кольцо, которое он подарил мне на свадьбу.

— А у тебя не было похожего? — робко спросил он.

— Будет пара. Сейчас модно.

Сергей вновь настойчиво заговорил о ребенке, но к тому моменту компромат был собран, ремонт в квартире закончен и деньги на первое время отложены. Все это позволило мне покинуть квартиру налегке. Я перевезла кое-какие вещи и позвонила мужу.

— Сережа, я ухожу. Ключи оставила на кухне, ключ от моей машины висит в гараже на гвоздике, документы на машину в секретере.

— Куда ты уходишь? — не понял он.

— Пока не знаю. Вряд ли я буду жить у мамы.

— Подожди, я ничего не понял, — забеспокоился он.

— Я от тебя ухожу, — терпеливо повторила я.

Лучше от этого не стало, вместо одного вопроса он задал десяток. Пришлось объяснить. — Ты меня давно не любишь, изменяешь мне с двенадцатью девушками одновременно. Мне это не нравится, и я ухожу.

— Ты что, с ума сошла? — возопил он.

— Нет. Я бы сошла с ума, если бы осталась. Прощай.

Я повесила трубку и поехала к маме.

— Я развожусь с мужем, — сообщила я ей от порога.

— Мне он никогда особенно не нравился, — отозвалась мама.

— Да? А кто мне советовал выйти за него замуж?

— Ты отлично устроилась, закончила учебу, приобрела опыт семейной жизни. Разве нет? — На это мне возразить было нечего. — Мне тогда постоянно тревожные сны снились, — продолжила мама, тяжело вздохнув. — Будто ты выскочила замуж за нищего лейтенантика, совсем как я в молодости. Он увез тебя в какую-то Тмутаракань, ты носила воду из колодца, топила печку... а ребеночек-то как надрылся... По моему, у него была грыжа.

— Какой ребеночек?

— Мой внук, естественно. Или внучка. Во сне об этом ни слова. Я чуть с ума не сошла. Слава богу, тут подвернулся этот тип, твой муж.

— Он мне изменял.

— Все мужчины мерзавцы. Разве я тебе не говорила? Ты очень расстроена?

— Не очень, — честно ответила я.

— Вот видишь, — обрадовалась мама. — Представь, что ты вышла не за Сергея, а за молодого человека, которого любила, а он тебе изменил. Ты бы сейчас места себе не находила, возможно, помышляла бы о самоубийстве, совсем как я в молодости, когда твой отец меня бросил.

— Он же умер?
— Умер. Но сначала бросил. Короче, тебе повезло, — заключила мама.

— Да я и не спорю, — пожала я плечами.

Тут в дверь позвонили, и мы немного занервничали, потому что стало ясно: это мой муж.

— Тебе ни к чему с ним встречаться, — сказала мама, я кивнула и сунула ей в руки альбом. — Это что такое?

— Компромат. Чтоб не вздумал отнекиваться.

— Я должна сейчас его отдать? Мне же интересно взглянуть.

— У меня есть второй экземпляр, — заверила я ее и укрылась в своей комнате.

Дальше порога Сергея не пустили.

— Молодой человек, вы мерзавец и обманщик, — заявила мама, вручила ему альбом и добавила: — Чтобы ноги вашей не было в моем доме... — И захлопнула дверь.

Сергей предпринял героические усилия, чтобы связаться со мной, ряд его попыток увенчался успехом. К примеру, на второй день он смог до меня дозвониться из-за некоторой потери бдительности с моей стороны.

— Ты что, с ума сошла? — начал он весьма эмоционально.

— Нет, — ответила я, потому что признаков сумасшествия у себя не наблюдала.

— Что ты вытворяешь? Тебе не стыдно? Ты за мной шпионила. Какая гадость.

— Это точно, — согласилась я. — Шпионить — гадость, согласна, а изменять жене — это что, по твоему?

— Люди из-за этого не разводятся.

— А я не из-за этого. Я из-за того, что муж меня больше не любит.

— Ерунда какая. Я тебя люблю. Даже больше, чем в день нашей свадьбы, если хочешь знать.

— Тогда я вовсе ничего не понимаю.

— А что тут понимать? — взревел он медведем.

— Зачем тебе все эти девушки? — проявила я интерес, потому что разговор против воли увлек меня.

— Это не девушки, — рявкнул муж, — это шлюхи!

— Какая разница, — не поняла я.

— Это не имеет к тебе никакого отношения, — поставил меня в тупик супруг очередным ответом.

Через неделю мы встретились в присутствии моей мамы. Мама Сергея принципиально игнорировала и даже села к нему спиной. Муж просил меня вернуться и предпринял попытку встать на колени, чему я воспротивилась, а мама так просто заявила: «Шут гороховый», отбив у него охоту к спецэффектам. На мой настойчивый вопрос: «Если у нас любовь, при чем здесь девушки?» — он отвечал невразумительно, часто сбивался на фразу «все так живут», обещал впредь хранить мне верность до гроба, но выглядел при этом неубедительно.

— Лицемер, — сказала мама, и я с ней согласилась.

После этой встречи жизнь моя стала чрезвычайно насыщенной. Я перешла на осадное положение. Через две недели мы встретились вновь. Я надеялась, что Сергей согласится на развод, но надежды были напрасны. Он настоял, чтобы я была одна, «без своей сумасшедшей мамы», как он выразился, а я стояла на том, чтобы встреча произошла в кафе, дабы муж держал себя в руках и не занимался ерундой (его попытка бухнуться на колени слегка меня разволновала). Итак, мы встретились, и в первые же пять минут я лишь укрепила в своем решении развестись с ним раз и навсегда.

— Ты чокнутая, — начал он возмущенно. — Чего тебе не хватает, скажи на милость?

Я растерялась. Ответить на этот вопрос было не так легко. Если честно, мне всего хватало, даже с избытком, но развестись захотелось еще больше.

— Мы говорим не о том, чего мне хватало или нет, а о твоих изменах, — скромно сообщила я.

— Это не измены, — заявил он, в очередной раз вызвав мое беспокойство за его разум. — Измена — это когда заводят любовницу, когда любят другого человека, понимаешь? А я люблю только тебя.

— Хорошо, — кивнула я, пытаюсь приноровиться к его логике. — Тогда я продолжу любить тебя, но жить буду с кем-нибудь другим.

— Не говори глупостей, — отрезал он, что меня не удивило, потому что в самом деле глупость: кто ж на такое согласится? — Солнышко, — взяв мою руку, начал он ласково, — я тебе сто раз говорил: нам надо завести детей. Если бы у нас были дети, ничего подобного не произошло бы. У тебя слишком много свободного времени, а так ты бы занималась детишками.

— А ты бы чем занимался? — не удержалась я.

— Я бы деньги зарабатывал, — пошел он пятнами.

— Я тоже хочу зарабатывать деньги, — вздохнула я. — Я не люблю готовить и ненавижу вышивать крестиком. Ты не на той женился. Давай разойдемся по хорошему. Я подарю тебе альбом, а ты оставишь меня в покое.

— Ах вот как, — протянул муж. — Хорошо. Посмотрим, как ты будешь жить с мамашей на ее полтысячи баксов в месяц. Готовься всю жизнь ходить в одной шубе. Или ты думаешь, что получишь от меня хоть копейку? Ничего подобного...

Он говорил долго, все больше увлекаясь, а я поду-

мала, что разводиться с мужем довольно полезно: видишь качества характера, ранее для тебя неведомые.

Если честно, было немного стыдно, потому что в тот момент я поняла, что никогда — ни в день свадьбы, ни до, ни после — его не любила и замуж пошла... бог его знает почему.

— Сережа, мне ничего не надо, — покаянно сказала я. — Правда. Давай просто разведемся.

— Отлично. Посмотрим, что ты запоешь через месяц, нет, через два.

Следующие два месяца стали лучшими в моей жизни. Впервые за долгое время я не гадала, чем себя занять, потому что свободного времени у меня попросту не было. Первым делом я устроилась на работу. Работа мне нравилась. Моим шефом была моя подруга, коллектив прекрасный, и вообще жизнь радовала. Одно плохо: где-то на границе сознания маячил и беспокоил смутный образ мужа, хотя сам Сергей целый месяц не давал о себе знать. Через месяц, как-то задержавшись на работе дольше обычного, я припустилась за троллейбусом, отчаянно размахивая руками, чтобы меня заметили. Тут раздался автомобильный сигнал, и, обернувшись, я увидела машину мужа. Сергей вышел и молча распахнул передо мной дверь, пришлось сесть.

— Тебя домой? — спросил он хмуро.

— Ага, — кашлянула я. К тому моменту я уже переселилась в бабушкину квартиру. Оказалось, Сергей знал об этом.

— Ты что, меня совсем не любишь? — спросил он несколько не к месту.

Я его не любила. Совсем. Сказать правду — равносильно признать свою вину. В самом деле, зачем замуж шла, голову человеку морочила? Скажите на

милость, какая женщина признает себя виноватой? Поэтому я решила придерживаться прежней версии: измена мужа и невозможность ее простить.

— У нас с тобой разные взгляды на совместную жизнь, — вздохнула я. — Мне никогда не понять, как можно любить кого-то и обманывать его. Не понять, и все.

— Хорошо, понять ты не можешь, — вздохнул муж, — а простить?

Вышло это у него очень трогательно. В самом деле казалось, что мое прощение для него очень важно, возможно, в тот момент он и сам в это верил. Мне было жаль его, так жаль, что плакать хотелось, но я подумала, что если дам волю своим чувствам, то завтра вновь начну готовить борщ и вышивать крестом, а главное, всю жизнь проживу с человеком, которого не люблю.

Это подействовало. Я собралась с силами и ответила:

— У меня не получится. Ты зарабатываешь деньги и живешь так, как считаешь правильным, и в самом деле не видишь во всем этом ничего плохого, а для меня это предательство. И тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Мы как раз подъехали к моему дому, и это позволило мне спешно ретироваться.

Прошел еще месяц, и Сергей вновь возник в моей жизни. Позвонил, спросил разрешения заехать и явился через десять минут после этого. Я надеялась, что глупые мысли о совместной жизни он оставил и пришел поговорить о разводе. Не тут-то было. Надо сказать, выглядел он скверно, не то чтобы больным, а скорее каким-то потерянным и даже жалким, что уж вовсе никуда не годилось.

Я напоила его чаем и спросила о делах. Он проиг-

норировал вопрос, взглянул на меня с печалью и вздохнул:

— Ладно, ты доказала, что отлично можешь жить без меня. И без моих денег тоже. Я все понял. И осознал. Возвращайся, хватит дурака валять. У меня из рук все валится, тоска такая... Хочешь работать — работай, и вообще... все эти бабы... ты же понимаешь, просто такой стиль жизни, я даже не думал... я тебе клянусь, больше никогда... поедем домой...

Ух ты, господи, что же делать-то? Постную мину — это во-первых, во-вторых, надо придумать что-то жалостливое. Как назло, ничего подходящего на ум не шло.

— У нас не получится, — испуганно произнесла я. — Мы просто теряем время.

Тут Сергей уставился на меня сначала с печалью, потом с душевной болью, а потом со злостью и изрек:

— Ты меня никогда не любила. Никогда. И только рада от меня избавиться.

Скажите, какая пронизательность.

— Вот и пошли меня к черту, — разозлилась я. — На свете полно женщин, которые варят борщ лучше и любят вышивать крестиком.

— Знаешь, кто ты? — перешел он на зловещий шепот. — Ты дрянь, лживая, хитрая дрянь.

— Ну и ладно, — кивнула я. — Раз тебе так удобней... Разведись со мной.

— У тебя кто-то есть? Я ведь все равно узнаю. Я ему башку оторву.

— Ради бога, только у меня никого нет. Давай разведемся.

И тут муж повел себя совсем не как джентльмен, сунул мне под нос кукиш и сообщил:

— Вот тебе, а не развод. Я тебя в психушку отправлю, я тебя... Не хочешь жить со мной, готовь себя в монахини.

— Будем надеяться, что тебе это когда-нибудь на-
доеет и ты оставишь меня в покое. На худой конец, я
могу уехать из этого города.

Он зажмурился, собираясь с силами, и вот тогда-
то выпалил:

— Я тебя убью.

— За это в тюрьму сажают, — напомнила я. —
Скажи на милость, что тебе там делать?

Он стремительно покинул мою квартиру, хлопнув
дверью.

— Ерунда, — сказала мама, выслушав мой рас-
сказ. — Твой отец раз двадцать грозил мне тем же.
И что?

— Папа хотел тебя убить? — насторожилась я, это
как-то не вязалось с обликом родителя, который ма-
ма успела создать за долгие годы. — За что?

— Ах, дорогая, все мужчины сумасшедшие и все-
гда найдут повод сморозить глупость. Не обращай
внимания. Он успокоится и даст тебе развод. Куда
ему деться?

Однако супруг не только не успокоился, он начал
военные действия. В понедельник я пришла на рабо-
ту, и тут же Элька, подруга и шеф по совместительст-
ву, вызвала меня к себе.

— Мона, — сказала она. Не помню, чтобы хоть
одна душа потрудились называть меня полным име-
нем, Элька так даже не пыталась, — я думаю, тебе
есть смысл отправиться в отпуск.

— Какой отпуск? — не поняла я. — Я работаю
всего два месяца.

— И уже отлично себя зарекомендовала, — кив-
нула она. — Поэтому мне удалось уговорить руково-
дство не увольнять тебя, а на время отправить в от-
пуск.

— На какое время? — пребывая в протрации,
проявила я любопытство.

— На неопределенное.
— Да с какой стати?
— Мона, твой муж предпринял ряд шагов...
— При чем здесь мой муж?
— В нем-то как раз все дело. Он хочет, чтобы тебя уволили.

— Какое отношение мой муж имеет к нашей компании?

— К компании никакой. Но в городе он... вижу, ты мало интересовалась делами мужа. Я права?

— Ну... — пожала я плечами. — У него фирма, и он богатый человек...

— Негусто, — вынесла вердикт Элька и просветила меня. Лучше бы ей этого не делать. В добавление ко всем моим несчастьям выяснилось, что муж у меня тип с криминальным прошлым. Жулик, одним словом. Правда, фирма у него настоящая, но это ничего не меняет.

— Господи, — простонала я, а Элька принялась сочувствовать:

— Ты правда не знала? Ну надо же. А я еще гадала, чего это ты за него замуж поперлась.

— Слушай, он обещал меня убить, — забеспокоилась я. Все бандиты, которых я видела в кино, были скоры на расправу.

— Брешет. Из-за любви давно не убивают, только из-за денег. Ты ведь у него денег не требуешь?

— Не требую.

— Тогда живи спокойно.

Ей хорошо говорить, а что мне делать без работы? Сидеть в четырех стенах, теперь еще и без денег? Вот уж счастье. К мужу вернуться и то веселей. «Надо полагать, он этого и добивается», — озарило меня, и я решила быть стойкой.

С Элькой мы договорились, что некоторое время я поработаю на дому, таким образом и волки будут

сыты, и овцы целы. Это мы так думали, но у муженька на этот счет было свое мнение.

На следующий день я вышла из дома и смогла убедиться, что у моих «Жигулей» (деньги на машину я одолжила у мамы) спущены все четыре колеса, кто-то не поленился их продырять. Неужто сам Сергей? Я уже видела мысленным взором, как он в дорогом костюме и белоснежной рубашке орудует гвоздем. Впрочем, теперь-то выяснилось, что самому орудовать необязательно.

Я огорчилась, потом позвонила в автосервис, и проблема с колесами была решена, но это оказалось лишь началом. Поздно вечером мне позвонили по телефону, и грубый мужской голос заявил:

— Вернись к мужу, или головы лишишься.

Муженек точно ее где-то потерял, кто ж так жену домой возвращает?

— Идиот, — ответила я и бросила трубку, но занервничала.

Ночью позвонили еще трижды, и каждый раз угрозы становились все красочнее. Я подумала и позвонила сама, мужу я имею в виду, но, должно быть, выбрала неудачное время.

— Это только начало, — лаконично сообщил он, не желая прислушаться к голосу разума. Я подумала, что надо переехать к маме, но проблему это не решит, лишь подвергнет мамину нервную систему серьезному испытанию.

В девять утра я пила кофе на кухне, когда в дверь позвонили. На всякий случай я уставилась в «глазок» и увидела веснушчатую девицу в джинсовой куртке и косынке. Она таращила глаза и нервно кусала губы. Встретаться ранее нам не доводилось, но от девиц ничего опасного не ожидалось, и я открыла дверь.

— Вы Симона? — спросила она, вытаращив глаза еще больше. — Симона Вячеславовна Алексина?

— Да.

— Я пройду, — заявила девица, вошла, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, прижимая к груди тетрадь в красной обложке. Девушку слегка потрясывало, и вообще она выглядела немного нездоровой, я имею в виду душевное здоровье. Я пожалела, что открыла дверь.

— Вы, собственно, по какому вопросу? — забеспокоилась я, и тут она выдала:

— Ваш муж собирается вас убить, я это слышала собственными ушами. — Она стащила косынку, должно быть, для того, чтобы продемонстрировать, что уши у нее точно есть. Они и были, большие, оттопыренные и тоже веснушчатые.

— Я тоже слышала, — пожалала я плечами. — Но ведь это чепуха. Не может же он в самом деле меня убить?

— Еще как может, — комкая косынку, не унималась девица. — Ведь он совершенный зверь.

Хоть я мужа и не любила, а теперь даже опасалась, но с определением «зверь» была все-таки не согласна. На самом деле он довольно милый и покладистый парень, по крайней мере до недавнего времени он уступал мне охотно и даже с удовольствием.

— Не выдумывайте, — осадил я ее и вдруг вспомнил Элькины рассказы. А что, если не милый и не покладистый, а искусный притворщик?

— Это вы мне говорите? — возмутилась девица. — Да я знаю этого мерзавца как облупленного. Я потратила на него лучшие годы своей жизни.

Я нахмурилась, приглядываясь к ней. На вид ей было лет двадцать, ну, может, чуть больше, потому заявление о потраченных годах показалось мне явным преувеличением.

— Чего вы от меня хотите? — совершенно растерялась я.